

И. В. Сидорчук

СОВЕТСКАЯ РАБОТНИЦА КАК ОБЪЕКТ ДОСУГОВОЙ ПОЛИТИКИ В 1920-е гг.*

doi: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-160-168

УДК 94(47)“1920”

ББК 63.3(2)61

Политизация досуга являлась одной из составляющих агитационно-пропагандистской и культурно-просветительской работы, активно реализуемой агентами власти в раннесоветский период. Среди объектов досуговой политики, работе с которыми уделялось пристальное внимание, стоит отдельно выделить женщин-работниц. С одной стороны, происходили навязывание и искусственное интегрирование в их жизнь ряда досуговых практик, а с другой — наблюдался и реальный учет запросов. Создаваемый образец новой советской женщины во многом был схож с таковым в западных странах — спортивная, сильная, образованная, энергичная и далекая от предрассудков. Схожими были и тенденции к маскулинизации досуга, ярким свидетельством чего стало распространение физкультуры и спорта, в том числе и их военизированных форм. Главным же отличием являлось активное лимитирование степени женской свободы, что не позволяло многосторонне реализовать свое право на досуг и получать подлинное удовольствие от него. Патернализм в досуговой политике приводил к борьбе с теми видами отдыха, которые считались «буржуазными», чуждыми, «упадочническими» или декадентскими, хотя и были неотъемлемой и очень важной составляющей подлинной женской независимости. Также нельзя не сказать о скромных финансовых возможностях большинства женщин и ограниченности индустрии досуга, когда эстетика богатства и удовольствий вынужденно оставалась лишь кинематографическим образом, далеким от повседневной жизни.

Ключевые слова: *досуг, политизация досуга, гендерная история, физическая культура, история повседневности*

Раннесоветский период заслуженно пользуется вниманием со стороны специалистов в области гендерной истории. Многочисленные исследования посвящены различным ее аспектам, в частности изменению роли женщины в трудовых, сексуальных и семейных отношениях,¹ женскому образованию и науке,²

созданию новой гендерной модели,³ складыванию образа «новой женщины» в культуре⁴ и т. д. Отдельного интереса в историографии удостоивается государственная политика в области трансформации досуга, что позволило выявить его женскую специфику в контексте борьбы за равноправие полов.⁵ В нашем исследовании внимание сконцентрировано на досуге городских работниц, что объясняется большим интересом к этой прослойке населения

¹ См.: Исаев В. И. Условия и тенденции вовлечения женщин в промышленность Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.) // *Magistra vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. № 1. С. 49–55; McKinney J. R. Lone Mothers in Russia: Soviet and Post-Soviet Policy // *Feminist Economics*. 2004. Vol. 10, iss. 2. P. 37–60; Wood E. A. The Baba and the Comrade. Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, 1997; Пушкарева Н. Л., Пушкарев А. М. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // *Советская социальная политика 1920–1930-х годов*. М., 2007. С. 199–228; Алферова И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск, 2011; и др.
² См.: Долгова Е. А., Стрельцова Е. А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов //

Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97–107; Valkova O. The Conquest of Science: Women and Science in Russia (1860–1940) // *OSIRIS*. 2008. Vol. 23, № 1. P. 136–165; и др.

³ См.: Мирошниченко М. И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15, № 1. С. 35–42; Поршнева О. С. Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: противоречия и проблемы // *Личность, общество и власть в истории России*. Новосибирск, 2018. С. 383–397.

⁴ См.: Шабатура Е. А. Гендерный анализ образа «новой женщины» в советской культуре 1920-х годов // *Омский научный вестник*. 2006. № 6 (41). С. 192–196; Gorsuch A. E. Soviet Youth and the Politics of Popular Culture during NEP // *Social History*. 1992. Vol. 17, № 2. P. 189–201; Mally L. Performing the New Woman: The Komsomolka as Actress and Image in Soviet Youth Theater // *Journal of Social History*. 1996. Vol. 30, № 1. P. 79–95; и др.

⁵ См.: DeHaan H. Engendering a People: Soviet Women and Socialist Rebirth in Russia // *Canadian Slavonic Papers*. 1999. Vol. 41, № 3–4. P. 431–455; Gorsuch A. “A Woman is not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921–1928 // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55, № 3. P. 636–660; Голдман В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М., 2010.

Сидорчук Илья Викторович — к.и.н., доцент, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (г. Санкт-Петербург)

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-28-20225 «Политизация досуга в СССР в 1920–1930-е гг.: цели, формы реализации, последствия (на материалах Петрограда/Ленинграда)» (рук. И. В. Сидорчук), и гранта Санкт-Петербургского научного фонда в соотвествии с соглашением № 63/2022 от 15.04.2022

со стороны власти. Целью работы было определение основных положений, озвучиваемых в официальном дискурсе 1920-х гг. по данному вопросу и реализуемых в рамках культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской работы различными агентами власти: профсоюзами, агитотделами, Пролеткультом, общественными организациями и пр. Также обращено внимание на выявление препятствий на пути к развитию женской досуговой культуры и принятию навязываемых норм.

Среди конкретно-исторических методов, использовавшихся при подготовке исследования, отметим синхронистический метод, позволивший установить взаимосвязи между явлениями и процессами в развитии женской досуговой культуры, протекавшими в одно и то же время в советских и западных обществах. Целесообразным стало обращение к социокультурному подходу, позволившему изучить женские досуговые практики как часть городской повседневности и понять, как через них распространялись определенные ценности и нормы. Использование методологии новой социальной истории дало возможность исследовать досуг как социальный институт и связанные с ним властные отношения в контексте повседневных практик различных исторических акторов — потребителей досуга, его организаторов и представителей органов, занимавшихся его контролем.

Большевистское руководство исходило из того, что неучастие женщины в социалистическом строительстве ставит под вопрос успех советского проекта как такового: «Начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин».⁶ Особое внимание при этом привлекала фигура женщины-работницы. Именно она могла стать эталоном успешной борьбы за свои права, о чем еще в 1901 г. писала Н. К. Крупская: «самостоятельная работа и самостоятельный заработок женщины» не могли «не отразиться на отношениях между мужем и женой. Жена перестает быть рабой мужа, а делается равноправным членом семьи. Полная зависимость от мужа сменяется равноправностью».⁷

При этом существенную роль в воспитании «новой женщины» могло играть не только закреплявшее эмансипацию законодательство, утверждение новых поведенческих и моральных норм, расширение доступа к образованию, работа по ликвидации неграмотности и пр., но и различные адаптированные под эту задачу досуговые практики. Девушки-работницы, наряду со взрослыми рабочими, сезонниками, иностранными специалистами и представителями нацменьшинств были той категорией, работа с которой обязательно удостоивалась особого внимания органов, ответственных за культпросвет работу и организацию свободного времени.

По мере стабилизации жизни и роста возможностей финансирования культурной работы дискуссии о повышении ее качества стали включать вопросы о целенаправленном внимании именно к женщине. Отчетливо это видно при анализе деятельности рабочих клубов, за период 1920-х гг. ставших главными популяризируемыми досуговыми пространствами рабочих, выполнявшими двойную задачу — политического воспитания и предоставления культурного отдыха, «развлечения в товарищеской среде».⁸ На VII Всесоюзном съезде профессиональных союзов, состоявшемся 6–18 декабря 1926 г., в резолюции по докладу Н. Н. Евреинова «Основные задачи культурной работы профсоюзов» был сделан особый акцент на необходимости вовлечения в работу клубов женщин, что было связано с их сравнительно низким числом среди членов.⁹ Один из путей к этому виделся в создании возможностей приходить в клуб с детьми, в частности, через устройство детских комнат.¹⁰ С ребятами во время пребывания матерей в клубе предлагалось организовывать занятия.¹¹ В клубах также могли устраиваться справочные бюро, где работница могла получить консультацию у юриста, врача, педагога, представителя профсоюза и пр. (например, что делать, если муж пропивает зарплату и распускает руки).¹² В рамках дискуссий по клубной работе даже озвучивались идеи сделать один день в неделю исключительно

⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

⁹ См.: Резолюции VII Всесоюзного съезда профессиональных союзов. 6–18 декабря 1926 года. М., 1928. С. 64.

¹⁰ См.: Роль работницы в наших союзных пролетарских рядах // Ленинградский металлист. 1929. № 6. С. 4.

¹¹ Плетнев В. Как организовать клубную работу (тезисы для клубных работников) // Рабочий клуб. 1925. № 2 (14). С. 9.

¹² См.: Бурдин В. Рабочий и работница, идите в клуб. Л., 1927. С. 20–23.

⁶ Ленин В. И. О задачах рабочего движения в Советской республике (Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 39. С. 204.

⁷ Крупская Н. К. Женщина-работница. Мюнхен, 1901. С. 12.

женским, чтобы максимально удовлетворить все запросы работниц.¹³ Среди многочисленных клубных кружков, как показывает рассмотрение работы клубов предприятий, где значительный процент работников составляли женщины, наиболее востребованными оказывались хоровой, драматический, кройки и шитья и изящного рукоделия.¹⁴

Неотъемлемой частью работы клубов, а впоследствии и домов культуры, было чтение лекций. Их тематика корректировалась под проводившиеся празднества и кампании. Если речь шла о 8 марта, то предлагались такие темы, как «Положение женщин на Востоке», «Религия и работница» и т. п.¹⁵ В рассматриваемый период задача популяризации научных знаний стала активно реализовываться на практике,¹⁶ и к ней привлекались известные ученые, создавались пространства и механизмы коммуникации между слушателями и лектором, система обратной связи. Особое распространение среди женщин получили лекции по вопросам женского здоровья, гигиены, ухода за детьми. С этой же целью издавалась подготовленная для непрофессионального читателя научно-популярная литература, адаптирующая такую досуговую практику, как чтение, к актуальным вопросам гендерной политики. Удачной и эффективной формой работы признавались коллективные читки с последующим обсуждением, литературные вечера и диспуты,¹⁷ например, по роману Ф. Гладкова «Цемент», напрямую связанному с изменением роли женщины в советском обществе, или рассказам П. Романова о роли семьи и опасности мещанства.¹⁸

Интенсификации вовлечения работниц в культурную работу через досуг, согласно поступавшим на места рекомендациям, могло способствовать устройство развлечений на открытом воздухе: «В саду, на площадке, на прогулке — всюду нужно сосредоточить внимание на ма-

тери и ребенке». Также там организовывались беседы с акушерками и врачами, консультации по половому вопросу и уходу за детьми.¹⁹

Борьбе с патриархальным взглядом на женщину была призвана помочь такая широко применявшаяся на практике форма культурной работы, как постановочные агитсуды. Например, над матерью многочисленного семейства, вступившей в женотдел: «Свидетели говорят о распаде семьи, об отсутствии ухода за ребенком, о неудобствах для мужа, об упадке хозяйства. Прокурор — о долге жены и матери. Защитник — о старой семье и ее естественном распаде, об общественном воспитании детей, о равноправии женщины в отношении мужа».²⁰ С новым бытом были связаны суды над коммунистом, вышедшим из партии ввиду «недостатка времени для помощи в домашнем хозяйстве», над девушкой, «отказавшей своему жениху потому, что он еврей», или над работницей, не посещавшей общих собраний.²¹

Сильнейшим двигателем преобразований в женском вопросе и эффективным средством борьбы за переустройство быта устроителям культурной работы представлялся театр. Ставились спектакли, посвященные положению женщины при новом строе и гендерному равенству, необходимости сопротивления патриархальному укладу. Для клубных постановок выходили пьесы, специально адаптированные для женщин-работниц, в которых призывалось активно привлекать их к общественной деятельности.²² Потенциальная роль театра была ярко продемонстрирована в фильме «Дом на Трубной» (1928 г.) Б. Барнета, где деревенская девушка Параня Питунова, попав на спектакль «Взятие Бастилии», вмиг обретает чувство классовой сознательности и затем становится полноценным участником социалистического строительства.

Прекрасным поводом для освещения «женского вопроса» являлись праздники, на что, в частности, обратила пристальное внимание Е. В. Барышева, рассмотревшая, «как с помощью организованных массовых игр, демонстраций

¹³ См.: Сунгуров М. Работница и крестьянка на культурном фронте. М.; Самара, 1931. С. 5.

¹⁴ См.: ЦГАИПД СПб. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 3015. Л. 5–8; Иванов Е. Работа среди женщин на «Красном Треугольнике» // Вопросы профсоюзов. 1924. № 11. С. 74; ГАРФ. Ф. Р5451. Оп. 10. Д. 432. Л. 7–10.

¹⁵ См.: ЦГАИПД СПб. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 2860. Л. 13.

¹⁶ См.: Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., 2020. С. 325.

¹⁷ См.: Лесная А. Вопросы работы профсоюзов среди женщин на Урале // Рабочий журнал. 1924. № 18–19. С. 4.

¹⁸ См.: Вертинский Н. Литкружки в московских клубах (по материалам обследования) // Рабочий клуб. 1927. № 6. С. 32–33; Гинзбург М. Литвечер в рабочем клубе // Рабочий клуб. 1927. № 7. С. 35.

¹⁹ См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6388. Л. 13–13об; Плетнев В. Клуб летом (к вопросу о летней работе клуба) // Рабочий клуб. 1925. № 4–5 (16–17). С. 5; Сунгуров М. Работница и крестьянка на культурном фронте. М.; Самара, 1931. С. 10.

²⁰ Раstopчина М. Клуб в быте (Из работы «О проводниках нового быта») // Горн. 1923. № 9. С. 139.

²¹ Агиенко А. За новый быт. М.; Л., 1931. С. 29; Раstopчина М. Указ. соч. С. 139; Полин М. Работница, не посещающая общих собраний (Инсценированный суд) // Рабочий клуб. 1925. № 8–9. С. 20–28.

²² См., напр.: Якерин В. Женщина-работница (клубная постановка). М., 1927; Данилыч-Кочин А. Семейная буза: Комедия-шутка в 2 сценах. [М.], 1926.

и празднеств формировалась новая идентичность советской женщины — женщины-работницы, которой легко было управлять как на производстве, так и в быту». ²³ Во многом через городские праздники и «разумные» развлечения, согласно задумкам советских организаторов культработы, происходило преобразование человека из темного обывателя в сознательно-го труженика.

Отдельного внимания удостоивался вопрос распространения физкультуры и спорта среди девушек, ведь «здоровье же необходимо женщине-работнице вдвойне — ей самой и ее будущему потомству, так как только здоровая мать может иметь здорового ребенка». ²⁴ Из незнакомой со спортом труженицы прошлого власть стремилась сформировать и развить «новый тип женщины, самостоятельной, крепкой физически». ²⁵ Желание распространить физкультуру среди женщин было ярким свидетельством маскулинизации досуга.

Подобная установка требовала повсеместного введения физкультуры в быт работницы. Причем речь шла про быт как домашний, так и производственный. ²⁶ Внимание также уделялось борьбе с предрассудками — например, взглядом на неприличность занятий физкультурой, особенно для девушек: спортивные трусы и майки некоторым могли казаться слишком откровенными, а сама физкультура чем-то развращающим. ²⁷

Физкультура подразумевала не только занятия спортом. Это многогранное понятие включало в себя гигиену тела, здоровые привычки, уборку жилья как залог профилактики заболеваний и пр. Показательно, что физкультурницу противопоставляли девушке, увлекающейся модой или косметикой: «Физкультура отрицает применение косметических средств вроде пудры, румян и т. п. <...> Только красота здоровья есть действительно прочная и привлекательная красота». ²⁸

Кроме пользы для здоровья, задачей физкультуры и спорта была военная подготовка, с чем связано повышенное внимание к тем их видам, которые развивали требуемые для солдата навыки. ²⁹ Работнице говорилось о том, что защита родины — это и ее долг тоже: «Советская власть дала ей возможность активно участвовать в строительстве социалистического государства, а, следовательно, и активно защищать его от нападения врагов». ³⁰ В идеале винтовка должна была стать для женщины такой же родной, как и ее рабочий инструмент: «Галошница и винтовка. В винтовку вложила галошница и многолетнюю быстроту рук, и наметанную на работе верность глаза, и неизменную, чисто женскую аккуратность». ³¹

Полноценному и многогранному развитию досуговой культуры работницы мешал целый ряд обстоятельств. В первую очередь речь шла об отсутствии времени, которое она вынуждена была тратить на домашнее хозяйство. Эта проблема подчеркивалась во всех исследованиях бюджетов времени, и к первой половине 1930-х гг. ситуация оставалась такой же критичной, как и десятилетием ранее. При этом немногочисленное свободное время тратилось в основном на бездеятельный и неорганизованный досуг. ³² Двойная нагрузка ложилась на замужних женщин-матерей — работа на фабрике и домашний труд. ³³

Серьезной проблемой было отсутствие финансовых возможностей. В течение рассматриваемого периода, несмотря на декларирование властью необходимости равной оплаты труда, женский труд был по преимуществу неквалифицированным и низкооплачиваемым. К 1925 г. квалифицированным трудом занималось около половины всех промышленных рабочих-мужчин и только 13 % женщин. К 1929 г. зарплата женщин составляла менее 70 % от мужской, причем в ряде отраслей разница могла быть еще выше. ³⁴ У молодой неквалифицированной

²³ Барышева Е. В. «Новая женщина» в контексте советской праздничной культуры 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 887–899.

²⁴ Добровольский В., Яблоновский И. Физкультура работницы // Смена. 1925. № 22. С. 22.

²⁵ Бархаш Л. Физкультурницы Советской страны // Смена. 1929. № 5. С. 6–7.

²⁶ См.: ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 406. Л. 30; ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6388. Л. 18; Беспамятнов В. Физкультуру — на новые рельсы! // Ленинградский металлист. 1929. № 31–32. С. 25.

²⁷ См.: ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 143. Л. 71.

²⁸ Ергин Б., Поморцев Н. Физкультура в быту работницы и домашней хозяйки. Л., 1929. С. 8. Данный тезис о преимуществе естественной красоты транслировался и впоследствии (см.: Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В. «Лучшее украшение женщины — чистота»: нормы и практики ухода за телом в памяти

жительниц нестоличного советского города 1950–1960-х гг. // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 119–133).

²⁹ См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 82. Л. 57.

³⁰ Кокорина З. Работница, изучай военное дело. М.; Л., 1930. С. 3.

³¹ Там же. С. 14; ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-255. Оп. 1. Д. 82. Л. 57.

³² См.: Струмилин С. Г. Бюджет времени рабочих в 1923/24 г. // Проблемы экономики труда. М., 1982. С. 198; Лебедев-Патрейко В., Рабинович Г., Родин Д. Бюджет времени рабочей семьи (по материалам ленинградского обследования). Л., 1933. С. 67.

³³ См.: Smith S. Class and gender: Women's strikes in St Petersburg, 1895–1917 and In Shanghai, 1895–1927 // Social History. 1994. Vol. 19, № 2. P. 143.

³⁴ См.: Голдман В. З. Указ. соч. С. 25, 195.

работницы заработка не всегда хватало на удовлетворение основных жизненных потребностей в еде, одежде и плате за жилье, не говоря уже о полноценных развлечениях: кино, театре, аттракционах в парках и пр. Та прослойка женщин «белых воротничков», которая сформировала социальную основу для развития женской культуры в «революционные двадцатые» на Западе,³⁵ также не обладала достаточным для полноценного досуга заработком.

Одним из следствий бедности была медленная интеграция работниц в городское досуговое пространство. Рабочая окраина способствовала сохранению традиционных досуговых практик, во многом корнями уходящих в крестьянский быт: доминирования домашнего неактивного досуга, гостевания, отмечания церковных праздников и пр. Д. Хоффман, комментируя медленное проникновение городской культуры в жизнь рабочих, приезжавших в столицу в годы первой пятилетки, утверждал, что у значительного их числа просто не было на нее времени. После смены они сразу шли домой отдыхать и восстанавливать силы, лишая себя кино и других развлечений.³⁶ Это отдаляло символическое покорение работницами городского центра — традиционного места проживания привилегированных слоев населения и недоступного для жителя окраины досуга.

Одновременно с этим городская среда была наполнена опасными соблазнами. Город эпохи нэпа все еще оставался местом буржуазных пороков и социальных контрастов, хотя невозможно было отрицать его роль экономического и культурного центра. Он был угрозой, но при этом давал новые возможности. Как писал Э. Дюркгейм, «цивилизация концентрируется в больших городах; самоубийство тоже».³⁷ С дореволюционных времен в крупных городах особенно остро чувствовалось классовое неравенство, широкое распространение получали проституция, хулиганство, пьянство, различного вида мошенничества, не говоря уже о тяжелой санитарной ситуации и многочисленных жилищных проблемах.³⁸ Подрывались

и традиционные семейные связи: домашний труд заменялся работой на фабрике. В России эта картина стала отчетливо заметной в начале XX в., когда семья, если говорить о рабочих в крупных городах, переставала выполнять функции первичного и основного агента социализации, уступая их улице.³⁹

Еще одним фактором, мешавшим советским женщинам полноценно наслаждаться досугом, была политика, направленная на развитие только тех его форм, которые признавались полезными и разумными, и ограничение, осуждение либо запрет «буржуазных» и «мещанских». Вмешательство государства в регулирование досуга имело амбивалентные последствия. Та же поддержка физкультуры и спорта, дополнительного обучения или техпросвещения на государственном уровне помогала сделать их по-настоящему массовыми. Одновременно досуг терял независимость, он переставал быть тем, чем должен являться по определению — пространством личной свободы.

«Новую советскую женщину» 1920-х гг. принято рассматривать достаточно обособленно от ее западных коллег, учитывая политическую, культурную и экономическую специфику молодой советской страны. Однако стоит отметить, что во многом для тех и других были характерны схожие метаморфозы. Та же милитаризация и маскулинизация досуга, отчетливо видная через спорт, наблюдалась и в буржуазных странах. На это, в частности, обратил внимание А. В. Луначарский, усматривая в распространении спорта среди мужчин и женщин грозный признак трансформации буржуазного общества: «...укрепить свое тело, закалить свои нервы, упростить формы своей жизни, добиться здоровья, ловкости, быстроты, проявить возможно большую результативность всякой своей работы — таков идеал не только современного буржуа-мужчины, но в значительной степени и буржуазной женщины».⁴⁰

Западная эмансипированная девушка 1920-х гг., как и советская, должна была излу-

³⁵ См.: Berghaus G. Girlkultur: Feminism, Americanism, and Popular Entertainment in Weimar Germany // *Journal of Design History*. 1988. Vol. 1, № 3/4. P. 210.

³⁶ См.: Hoffmann D. L. Peasant metropolis. Social identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca; London, 1994. P. 133.

³⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996. С. 253.

³⁸ См.: Синова И. В. География Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX вв. с точки зрения проявления девиаций // *Природ-*

но-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2019. С. 18, 19; Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге. 40-е гг. XIX — 40-е гг. XX вв. М., 1994.

³⁹ См.: Синова И. В. Дети трудящегося населения в городском социуме во второй половине XIX — начале XX вв. // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 3 (52). С. 64.

⁴⁰ Луначарский А. Нравы буржуазного общества // *Вечерняя Москва*. 1927. № 218. 24 сентября. С. 3.

чать молодость, свежесть, жизнерадостность, бодрость, независимость от мужчины, готовность отвечать на вызовы, будь то упорный труд или участие в войне.⁴¹ Она носила короткую стрижку, удивляла обывателя обнаженными коленками, получала образование, а отношения с мужчинами строила на интеллектуальном влечении и товариществе.⁴² Даже отход от устаревших форм развлечений высших классов и их демократизация в пространстве большого города затронули, пусть и со своими особенностями, и советский, и буржуазный мир.

Как и в советских реалиях, на Западе звучала критика современных женщин — обвинения в легкомыслии, эгоизме, нарушении традиционной семейной структуры, в том, что ими движет лишь жажда удовольствий и развлечений.⁴³ Отличием советской ситуации являлось то, что здесь это исходило не только от консервативных и традиционалистских кругов общества, но и от власти, начавшей новую политику в семейно-брачных отношениях и реально много делавшей для женской эмансипации, но сильно лимитировавшей ее и не отказавшейся от понимания необходимости исполнения традиционных гендерных ролей.⁴⁴

Представляется, что принципиальным отличием советской «новой женщины» от западной было практически полное отсутствие в ее жизни того, что в своих произведениях демонстрировал Ф. Скотт Фицджеральд — захватывающего городского стиля жизни с его дорогим легкомыслием, головокружением от шампанского, смягченными моральными стандартами, дерзостью и склонностью к удовольствиям и щегольству.⁴⁵ Поддерживая стремление женщины к независимости, в том числе и через досуг, власть выстраивала препятствия к неотъемлемой составляющей этой новизны — свободе во всех ее проявлениях, как культурных, так и девиантных. Как показала А. Горсач, до

советских девушек, будь то работницы, служащие или студентки, доходил лишь отдаленный отблеск эстетики флэпперов и индустрии буржуазной культуры через зарубежные кинокартины, музыку, моду и танцы.⁴⁶

Подобный «американизм» в официозном дискурсе признавался опасным и становился объектом критики. В частности, И. Т. Бобрышев подчеркивал, что зарубежное кино оказывает чрезвычайно негативное впечатление на молодежь, особенно на девушек. Идеалы типичных молодых работниц-ткачих из общежития у него описаны следующим образом: «Чем жило общежитие? <...> Гарри Пиль и Мэри Пикфорд и прочие “герои экрана” вобрали в себя все жизненные интересы группы девушек-работниц, через этих “героев” чуждые нам влияния взяли вверх».⁴⁷

Увлечение своей внешностью, непомерные траты на одежду, прагматичная меркантильность понимались как шаг к упадочничеству, половой распущенности и абортam.⁴⁸ Девушку, пользовавшуюся косметикой, могли обвинять в хулиганстве,⁴⁹ любовь к украшениям также осуждалась и высмеивалась: злоупотреблявшую ими сравнивали с дикаркой.⁵⁰ Правила рабочих клубов могли содержать прямой запрет на их посещение с пудрой на лице.⁵¹ Культ потребления виделся непосредственно связанным с проституцией, которая воспринималась как следствие не только финансовой безнадёжности, но и желания определенного уровня жизни.⁵² Специалист в области криминологии, профессор А. А. Жижиленко указывал: «Погоня за удовольствиями и стремление к легкой, нетрудовой, разгульной жизни толкает на путь проституции и таких женщин, которые вовсе не находятся в тяжелом экономическом положении».⁵³ Показателен текст Циркуляра Наркома соцобеспечения 1921 г.: «Вместе с тем, вызванные к жизни новой экономической политикой мелко и средне капиталистические силы с сопутствующими им антисоциальными институтами и явлением роскоши паразитизма

⁴¹ См.: Berghaus G. Op. cit. P. 203, 205, 206; Gasiorowska X. Die Neue Frau in der Sowjetliteratur // Osteuropa. 1973. Vol. 23, № 12. S. 911.

⁴² См.: Berghaus G. Op. cit. P. 211.

⁴³ См.: Hales B. Dancer in the Dark: Hypnosis, Trance-Dancing, and Weimar's Fear of the New Woman // Monatshefte. 2010. Vol. 102, № 4. P. 353; Sutton K. The Masculinized Female Athlete in Weimar Germany // German Politics & Society. 2009. Vol. 27, № 3 (92). P. 28.

⁴⁴ См.: Wood E. A. Op. cit. P. 200–203; Шабатура Е. А. Указ. соч. С. 195; Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 8–23.

⁴⁵ См.: Shideler J. H. “Flappers and Philosophers”, and Farmers: Rural-Urban Tensions of the Twenties // Agricultural History. 1973. Vol. 47, № 4. P. 283–299.

⁴⁶ См.: Gorsuch A. E. Flappers and Foxtrotters. Soviet Youth in the “Roaring Twenties” // Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1994. № 1102. P. 1–33.

⁴⁷ Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. М.; Л., 1928. С. 101, 103.

⁴⁸ См.: ЦГАИПД СПб. Ф. 7. Оп. 1. Д. 6388. Л. 50.

⁴⁹ См.: Gorsuch A. E. “A Woman is Not a Man”... P. 656.

⁵⁰ См.: Группа девчат. Дикарям уподобившиеся // Красный треугольник. 1929. № 59 (98). 30 сентября. С. 2.

⁵¹ См.: ГАНИНО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 284. Л. 13–14.

⁵² См.: ГАРФ. Ф. А390. Оп. 21. Д. 1. Л. 25.

⁵³ Жижиленко А. А. Преступность и ее факторы. Пг., 1922. С. 46.

и постоянных соблазнов создают огромные кадры потребителей проституции и действуют как насос, накачивающий в ряды проституции наименее устойчивый и беспомощный слой трудящихся женщин».⁵⁴

Таким образом, время не только работы, но и отдыха женщины-работницы удостоивалось самого пристального внимания различных агентов власти. Политизация досуга, стремление к его контролю и моделированию являлись важнейшей составляющей процесса организации культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской работы. Это вело как к навязыванию и искусственному интегрированию в жизнь ряда практик (политучебы, диспутов, агитсудов и пр.), так и к учету запросов самой работницы. Главные досуговые пространства — клубы, парки и пр. — вели активную работу по привлечению женщин через предоставление возможности приходить с детьми, решение злободневных для нее вопросов, устройство интересных занятий (различных кружков, постановок и пр.). Все основные виды досуга, начиная от популярнейшего кино и заканчивая лекциями по военному делу, в обязательном порядке ориентировались в том числе и на женщин, принимая во внимание их специфические особенности: силу консервативных традиций, высокую степень религиозности, меньшую социальную защищенность и др.

Досуг касалось и широко декларируемое большевистской властью равноправие полов. Наиболее ярко это видно на примере физкультуры и спорта. В данном случае культ здорового тела, энергии и силы, поддерживаемый

большевиками, совпадал с тенденциями в западных странах. Как в советских, так и в капиталистических реалиях 1920-х гг. «новая женщина» не только увлекалась спортом, но была самостоятельна, образована и независима от мужчины. Главным отличием являлось активное лимитирование руководством страны степени женской свободы и эмансипации. Это не позволяло многосторонне реализовать свое право на досуг и получить подлинное удовольствие от него. Патернализм в досуговой политике приводил к борьбе с теми его видами, которые считались «буржуазными», чуждыми, «упадочническими» или декадентскими, хотя и были неотъемлемой и очень важной составляющей подлинной женской независимости. Также нельзя не сказать о скромных финансовых возможностях большинства женщин и ограниченности индустрии досуга, когда чарующая эстетика богатства и удовольствий оставалась лишь картинкой из заграничного фильма. Вместо пудры, объявленной вредной и едва ли не преступной, девушке предлагали винтовку, параллельно требуя от нее отказа от спиртного и западных танцев. При этом рассматриваемый период был временем, когда полноценная и целенаправленная советская досуговая политика только формировалась, что находило отражение в ее частой непоследовательности и неэффективности в отношении работницы. Консервативная реакция середины 1930-х гг. скорректировала эти установки, сделав еще больший акцент на маскулинизации и спортизации женского досуга, но одновременно вернув в качестве нормы семейные «мещанские» ценности.

Ilya V. Sidorchuk

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru

THE SOVIET FEMALE WORKER AS AN OBJECT OF LEISURE POLICY IN THE 1920s

The politicization of leisure was one of the components of agitation, propaganda, cultural and educational work, actively implemented by government in the early Soviet period. Among the objects of leisure policy, the work with which close attention was paid, it is possible to point out female workers. This led both to the imposition and artificial integration of a number of leisure practices into their lives, and to the real consideration of requests. The model of the new Soviet woman being created was in many ways similar to what could be observed in Western countries — athletic, strong, educated, energetic and far from prejudice. There were similar tendencies towards the masculinization of leisure, a clear evidence of which was the spread of physical culture and sports, including their paramilitary forms. The main difference was the active limitation of the women's freedom

⁵⁴ ГАРФ. Ф. А482. Оп. 19. Д. 24. Л. 65.

degree, which did not allow them to realize their right to leisure. Paternalism in leisure policy led to the struggle with those types of it that were considered “bourgeois” or decadent, although they were an integral and very important component of female independence. It is also need to mention the modest financial capabilities of most women and the limitations of the leisure industry, when the charming aesthetics of wealth and pleasure were forced to remain only a picture from a foreign film.

Keywords: *leisure, politicization of leisure, gender history, physical culture, history of everyday life*

REFERENCES

- Alferova I. V. “Zhenskiy vopros” v teorii i praktike bol’shevizma [“Women’s Question” in the Theory and Practice of Bolshevism]. Bryansk: Kursiv Publ., 2011. (in Russ.).
- Barysheva E. V. [The “New Woman” in the Context of Soviet Festive Culture of the 1920s–30s]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2019, no. 3, pp. 887–899. DOI: 10.28995/2073-0101-2019-3-887-899 (in Russ.).
- Berghaus G. Girlkultur: Feminism, Americanism, and Popular Entertainment in Weimar Germany. *Journal of Design History*, 1988, vol. 1, no. 3/4, pp. 193–219. (in English).
- DeHaan H. Engendering a People: Soviet Women and Socialist Rebirth in Russia. *Canadian Slavonic Papers*, 1999, vol. 41, no. 3/4, pp. 431–455. (in English).
- Dolgova E. A. *Rozhdeniye sovetskoy nauki: uchenyye v 1920–1930-ye gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s]. Moscow: RGGU Publ., 2020. (in Russ.).
- Dolgova E. A., Streltsova E. A. [“Welcome to the Club”: Position of Women in Soviet Science in the 1920s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2019, no. 2, pp. 97–107. DOI: 10.31857/S013216250004014-8 (in Russ.).
- Gasiorowska X. Die Neue Frau in der Sowjetliteratur. *Osteuropa*, 1973, vol. 23, no. 12, pp. 909–916. (in German).
- Goldman V. Z. *Zhenshchiny u prokhodnoy. Gendernyye otnosheniya v sovetskoy industrii (1917–1937 gg.)* [Women at the Gates: Gender and Industry in Stalin’s Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. (in Russ.).
- Gorsuch A. E. “A Woman is Not a Man”: The Culture of Gender and Generation in Soviet Russia, 1921–1928. *Slavic Review*, 1996, vol. 55, no. 3, pp. 636–660. DOI: 10.2307/2502004 (in English).
- Gorsuch A. E. Flappers and Foxtrotters. Soviet Youth in the “Roaring Twenties”. *Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, 1994, no. 1102, pp. 1–33. (in English).
- Gorsuch A. E. Soviet Youth and the Politics of Popular Culture during NEP. *Social History*, 1992, vol. 17, no. 2, pp. 189–201. DOI: 10.1080/03071029208567834 (in English).
- Hales B. Dancer in the Dark: Hypnosis, Trance-Dancing, and Weimar’s Fear of the New Woman. *Monatshefte*, 2010, vol. 102, no. 4, pp. 534–549. DOI: 10.1353/mon.2010.0034 (in English).
- Hoffmann D. L. *Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1994. (in English).
- Isaev V. I. [Conditions and Trends of Women’s Involvement in Industry of Siberia during the 1930th]. *Magistra vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii* [Magistra Vitae: An Electronic Journal on Historical Sciences and Archeology], 2016, no. 1, pp. 49–55. (in Russ.).
- Lebedev-Patreiko V., Rabinovich G., Rodin D. *Byudzhnet vremeni rabochey sem’i (po materialam leningradskogo obsledovaniya)* [The Time Budget of a Working Family (Based on the Materials of the Leningrad Survey)]. Leningrad: LNIKH Publ., 1933. (in Russ.).
- Lebina N. B., Shkarovsky M. V. *Prostitutsiya v Peterburge. 40-ye gg. XIX — 40-ye gg. XX vv.* [Prostitution in Petersburg. 40s of the 19th — 40s of the 20th Centuries]. Moscow: Progress-Akademiya Publ., 1994. (in Russ.).
- Mally L. Performing the New Woman: The Komsomolka as Actress and Image in Soviet Youth Theater. *Journal of Social History*, 1996, vol. 30, no. 1, pp. 79–95. (in English).
- McKinney J.R. Lone Mothers in Russia: Soviet and Post-Soviet Policy. *Feminist Economics*, 2004, vol. 10, iss. 2, pp. 37–60. DOI: 10.1080/1354570042000217711 (in English).
- Miroshnichenko M. I. [Contents of the First Soviet Gender Patterns in 1920-s]. *Vestnik Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: sotsial’no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities], 2015, vol. 15, no. 1, pp. 35–42. (in Russ.).

- Porshneva O. S. [Implementation of the Bolshevik Project “New Woman” in 1923–1928: Contradictions and Problems]. *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii* [Personality, Society and Power in the History of Russia]. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN Publ., 2018, pp. 383–397. (in Russ.).
- Pushkareva N. L. [The Gender System of Soviet Russia and the Fate of Russian Women]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer], 2012, no. 5 (117), pp. 8–23. (in Russ.).
- Pushkareva N. L., Bogdashina I. V. [“The Best Adornment of a Woman is Cleanliness” (Norms and Practices of Body Care in the Memory of Residents of a Non-capital Soviet City in the 1950s – 1960s)]. *Zhen-shchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2022, no. 4, pp. 119–133. DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.10 (in Russ.).
- Pushkareva N. L., Pushkarev A. M. [The 1918–1928 Early Soviet Ideology and the “Sexual Question” (On Attempts to Regulate Social Policy in the Field of Sexuality)]. *Sovetskaya sotsial'naya politika 1920-kh–1930-kh godov* [Soviet Social Policy of the 1920s–1930s]. Moscow: Variant Publ., 2007, pp. 199–228. (in Russ.).
- Shabatura E. A. [Gender Analysis of the “New Woman” Image in the Soviet Culture of the 1920s]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2006, no. 6 (41), pp. 192–196. (in Russ.).
- Shideler J.H. “Flappers and Philosophers”, and Farmers: Rural-Urban Tensions of the Twenties. *Agricultural History*, 1973, vol. 47, no. 4, pp. 283–299. (in English).
- Sinova I. V. [Geography of Saint Petersburg at the Turn of the 19th–20th Centuries from the Point of View of the Manifestation of Deviations]. *Prirodno-geograficheskiye faktory v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Natural and Geographical Factors in the Everyday Life of the Population of Russia: History and Modernity]. Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2019, pp. 17–22. (in Russ.).
- Sinova I. V. [Working Class Children in Urban Society of the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 3 (52), pp. 62–69. (in Russ.).
- Smith S. Class and Gender: Women's Strikes in St Petersburg, 1895–1917 and in Shanghai, 1895–1927. *Social History*, 1994, vol. 19, no. 2, pp. 141–168. DOI: 10.1080/03071029408567901 (in English).
- Strumilin S. G. [Time Budget of Workers in 1923/24]. *Problemy ekonomiki truda* [Problems of Labor Economics]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 190–214. (in Russ.).
- Sutton K. The Masculinized Female Athlete in Weimar Germany. *German Politics & Society*, 2009, vol. 27, no. 3 (92), pp. 28–49. DOI: 10.3167/gps.2009.270302 (in English).
- Valkova O. The Conquest of Science: Women and Science in Russia (1860–1940). *OSIRIS*, 2008, vol. 23, no. 1, pp. 136–165. DOI: 10.1086/591872 (in English).
- Wood E.A. *The Baba and the Comrade. Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1997. (in English).
- Zhizhilenko A. A. *Prestupnost' i yeye faktory* [Crime and its Factors]. Petrograd: “Mir znaniy” Publ., 1922. (in Russ.).

Для цитирования: Сидорчук И. В. Советская работница как объект досуговой политики в 1920-е гг. // Уральский исторический вестник. 2023. № 2 (79). С. 160–168. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-160-168.

For citation: Sidorchuk I. V. The Soviet Female Worker as an Object of Leisure Policy in the 1920s // Ural Historical Journal, 2023, no. 2 (79), pp. 160–168. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-2(79)-160-168.